

КРОВЬ И ПЛЮТЬ

НИЗВЕРЖЕНИЕ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

АЛЁНКА СНОРК

Алёнка Снорк

Кровь и плоть: Низвержение

«Автор»

2026

Снорк А.

Кровь и плоть: Низвержение / А. Снорк — «Автор», 2026

Все знают про противостояние Рая и Ада. Но верна ли истинная причина этой войны? Кто на самом деле решает, кому облака, а кому — котлы? Всем ли воздаётся по вере его? И чем вообще можно заниматься целую вечность? Что, если люди понятия не имеют, как всё устроено после смерти? Перед вами — изнанка загробной бюрократии и история пяти человек из разных эпох. По стечению обстоятельств они обходят систему распределения душ и попадают прямиком в Ад, где их никто не ждёт. Переехать отсюда невозможно — только исчезнуть в Великом Ничто. Героям приходится приспосабливаться, и до поры до времени они живут тихо, не привлекая к себе внимания. Но всё меняется, когда в Преисподней появляется ещё одна персона, которую здесь совершенно не ждали. Да настолько, что сам Люцифер мечтает от неё избавиться. Подобное тянется к подобному. Под руководством одного опытного администратора кучка демонов-отщепенцев сходятся вместе. Они готовы начать свою игру, но пока даже не предполагают, к чему это приведёт.

© Снорк А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

ДИСКЛЕЙМЕР 18+	5
Глава 1. Ангел	6
Глава 2. Посланник	11
Глава 3. Отступник	26

Алёнка Снорк

Кровь и плоть: Низвержение

ДИСКЛЕЙМЕР 18+

Все персонажи и события вымышлены. Любые совпадения случайны. Автор ни к чему не призывает, ничего не пропагандирует и не имеет цели оскорбить чьи-либо чувства или убеждения. Автор также не несёт ответственности за альтернативную интерпретацию написанного. Это всего лишь сказка для взрослых с насилием, сексом и чертовщиной. Не стоит искать в ней сакральный смысл. Разве что пару умных мыслей, которые попали сюда случайно.

Глава 1. Ангел

Паромщик мурлыкал себе под нос какую-то незатейливую мелодию. Пассажиры всматривались в даль на приближающийся берег. А Иезекииль изучал их всех и думал о пройденном пути. Это было его первое задание за пределами Рая. Он считал, что готов ко всему и даже сам вызвался доставить послание Люциферу, хотя желающих не то что недоставало, их не было вообще. «Тоже мне спецзадание! — думал молодой ангел. — Переплыть реку, отдать письмо, забрать ответ и обратно. Самое то для первой вылазки: быстро, безопасно, а главное, в одиночку! Без присмотра строгого ментора».

Но с самого начала миссия перестала казаться лёгкой прогулкой. Официальный путь был лишь один — через Чистилище, по Лете в лодке Харона до Последней пристани, пешком через Хеллград к замку падшего. Только так и никак иначе, ведь в правилах перемирия указано, что «проникновение ангела на адскую территорию иным способом, кроме Переправы, приравнивается к военному вторжению, равно как и проникновение более одного ангела за раз, что аннулирует перемирие и позволяет Легиону возобновить боевые действия без официального объявления войны». Поэтому Иезекииль отправился один и начал свой путь в Чистилище.

Ангелы давно сюда не навещались, зная лишь то, что указано в официальных документах. А изменений было достаточно. Основная часть этого места походила то ли на иллюзию, то ли на симуляцию. Всё какое-то эфемерное, нереалистичное: растекающиеся стулья, мерцающие и рябящие шкафы, перевёрнутые комнаты с полом на стене и потолком на полу, а местами целые дома с дырами или с перепутанным всем, как разобранный кубик Рубика. А между этим сюрсом металась души.

Домохозяйка с дырой в затылке бесконечно пыталась поставить убегающий на паучьих лапах пирог в духовку, которая становилась то холодильником, то стиральной машиной, то вообще начинала превращаться в желатиновый тетраэдр.

Мужик в холщовой рубаше постоянно падал с висящей в воздухе бревенчатой крыши, ломал себе шею и через мгновение снова сидел наверху с молотком.

Девочка с косичками бежала за своим... мячом? Щенком? Отрубленной головой? Неким объектом, каждый раз меняющим форму, как внезапно в неё врезался другой некий объект (машина, паровоз, огромный бильярдный шар, единорог), но результат всегда был один: девчонку перемалывало, переламывало, и игра в догонялки начиналась снова.

Некоторые духи уже обезумели и стали грызть стены или себя, бегать кругами и орать, сидеть неподвижно, смотря в никуда, или раскачиваться по невероятной амплитуде, но друг друга не замечали, будто здесь и нет никого.

Периодически то тут, то там возникала дверь, из неё появлялся мрачный жнец, приводел очередную душу и спешно выходил в ту же дверь, после чего та исчезала. Иезекииль не понимал, куда ему идти, хотел спросить у жнецов, но те скрывались быстрее, чем он успевал до них добраться.

После нескольких десятков попыток удача всё же улыбнулась ангелу, и очередной проход появился рядом с ним, так что жнец с покойником вывалились прямо на Иезекииля. Не упуская шанса, он вцепился в рукав чёрной мантии и затараторил про важное задание и необходимость как можно быстрее попасть на Переправу. Жнец пробубнил что-то про пятое окно, вырвался из ангельской хватки и скрылся за дверью.

«Уже неплохо! — подумал ангел. — Для начала хоть какое-нибудь окно найти. Где пятнадцатое, там и пятое неподалёку». Но это было лишь самоутешение, ведь никаких окон, кроме тех, что в вывернутых домах, не было. Тогда Иезекииль попытался взлететь, уповая на то, что с высоты удастся разглядеть больше, но местные законы физики позволили лишь подпрыгнуть.

Отчаяние уже разливалось в груди холодным липким киселём, когда в голове всплыло наставление учителя: «Слушать надо не только себя, но и мир. Смири своё эго, и ты увидишь истину». Отогнав смурные мысли, ангел начал внимательнее всматриваться и вслушиваться в царящее здесь безумие.

Духи не были статичными, они появлялись, исчезали, перемещались в другое место, из какофонии звуков прорывалась разборчивая речь. Некоторые призраки останавливались, замирали, что-то слушали, их взгляд становился осознанным, а движения чёткими, тогда они уходили и больше не возвращались. То же случалось и с новенькими. Кто-то начинал свой циклический ход сразу за дверью, а другие вслушивались и шли прямо и уверенно.

Решение было очевидным: нужно подкараулить осознанного мертвяка и идти за ним. Побродив некоторое время между покойниками, Иезекииль обратил внимание на пожилого мужчину, мерно раскачивающегося в кресле-качалке. В воздухе рядом с ним висели большие красивые часы, только на циферблате вместо цифр были странные символы, и звук они издавали «щёлк-чпок-ква», а не привычный «тик-так». Маятник раскачивался не в такт и уж больно ряно.

В какой-то момент мужчина открыл глаза и внимательно посмотрел на время. Почуввав, что это его шанс, ангел устремился к старику, прорвался через невидимую мембрану и оказался подле кресла. К этому времени часы стали абсолютно нормальными и показывали пятнадцать минут шестого.

— Ты ангел? Я умер? — спросил мужчина, переводя взгляд с циферблата на гостя.

— В общем-то, да. Но как ты это понял? — помолчав, ответил Иезекииль.

— Уже четверть шестого, а Марта не принесла мой чай! А ты слишком красив для наших деревенских увальней, сношающих сестёр и дочерей!

Гневную тираду прервал беспольный голос откуда-то сверху:

— Господин Филлис, подойдите к пятому окну! Филиас Филлис, подойдите к пятому окну!

Мистер Филлис встал со своего кресла, посмотрел по сторонам и только собрался отправиться в путь, как ангел спохватился: «Позвольте, я составлю вам компанию? Мне тоже в ту сторону». Старик кивнул и жестом пригласил пойти с ним.

Как только спутники шагнули от кресла, Чистилище преобразилось. Иезекииль всё ещё видел блуждающие души, но их отделял некий тоннель. И чем дальше они с Филиасом шли, тем он становился плотнее, реалистичнее, пока не превратился в обычный коридор. С высокого потолка лился ровный свет от незримого источника, пол покрывал мягкий ковёр, на стенах висели картины, изображающие распутных голых дев, сцены кровавых боёв, каких-то немислимых чудищ, разномастных королей, вельмож и так далее.

В конце попутчики упёрлись в массивную деревянную дверь, распахнувшуюся стоило лишь тронуть бронзовую ручку в форме изогнутого рога. Внутри располагался большой зал. Стены из мрачного серого камня давили, а своды уходили далеко вверх, заставляя чувствовать себя никчёмной букашкой. Здесь яблоку было негде упасть от количества ожидающих, не то что разглядеть, куда идти.

Покрутившись, Иезекииль начал приставать к призракам с вопросом, как пройти к пятому окну, но все смотрели на него, как на сумасшедшего и отворачивались. Тогда он предпринял очередную попытку взлететь, ожидаемо безуспешную, но подпрыгнув на пару метров, удалось разглядеть мелкого беса, парящего над мертвецами. «А как мне к нему правильно обратиться? — думал ангел, пробираясь через толпу. — Эй, чёрт! Будет как-то не очень уважительно. Хотя какое уважение к чертям? Но он на работе, я на работе, почти коллеги. К тому же мне нужна его помощь». В итоге ничего не придумав, он просто остановился рядом с бесом, перебирая в уме слова, и вперился в него взглядом.

Чёрт не был похож на жуткую тварь из учебников, скорее на сатира. Невысокий, с козлиными ногами, вместо шерсти покрытыми рептильей кожей, хвост как у ящерицы. Короткие руки, с четырьмя когтистыми пальцами на каждой, держали планшет, в котором бес делал заметки тонким чёрным пером. Маленькие кожистые крылья за спиной отчаянно бились, удерживая грузное тело в воздухе. Морда, похожая на нетопыря, со вздёрнутым носом и клыкастым ртом практически без губ. Крупную голову, покрытую грубой редкой щетиной, венчал единственный рог, торчащий из середины лба.

— Чего уставился? На мне цветов не нарисовано! — прохрипел чёрт.

— Прости... я просто не знаю, как к тебе обратиться, — замялся Иезекииль.

— Можешь звать меня мастер Хэр, херувимчик, — бес лукаво прищурился.

— Хорошо, мастер Хэр. Я Иезекииль, ангел Господень. Мне поручено доставить послание Люциферу, поэтому прошу тебя показать дорогу к Переправе, — он чувствовал какой-то подвох, но решил, что благоразумнее подыграть и не пытаться понять в чём соль.

— О! Не херувим, а целый ангел в нашем тёмном царстве лжи и разврата. Чем же ты провинился, что тебя сюда отправили? — Хэр явно смаковал своё ехидство.

— Это не наказание, а очень ответственное задание! Прошу, помоги мне! Я и так задерживаюсь.

— Ну ладно. Иди за мной, — сжалился бес, прикинув, что, если послание действительно важное и повелитель не получит его вовремя, башку снесут не только пернатому.

Хэр плавно летел над толпой, периодически задевая чью-то голову свисающим планшетом, сопровождая каждый случай абсолютно неискренним «простите-извините». А ангел, едва поспевая, вынужденно расталкивал людей.

Вскоре плотность скопления душ поредела и маневрировать стало проще. С этого ракурса было видно, что толпа не хаотична, а есть последовательность и очерёдность движения, регулируемая ещё двумя бесами. В конце зала красовалась могучая надпись «Пятое окно». Под ней стоял массивный дубовый стол, а за ним сидел старый, матёрый чёрт, похожий на Хэра, только лысый, с двумя длинными, тонкими рогами, в круглых очках и галстукe, но также без одежды.

Ещё раз осмотревшись, Иезекииль понял, что пятое окно — оно же и единственное. «Вот черти!» — подумал он. Перехватив удивлённый взгляд ангела, старый чёрт сказал исподлобья:

— Ну надо же было как-то назвать, — на морде осталась серьёзная невозмутимость, но глаза выдавали, что издевается.

— Мастер Хряп, вот пассажир для Харона с посланием для Лучезарного. Просит подействовать. Вежливый! — молодой бес отчитался громко, чётко, весело и удалился на свой пост.

— Вон оно чё... — протянул Хряп, буравя ангела взглядом. Вблизи стало понятно, что стёкол в его очках нет, только оправка. Видимо, для солидности. — Давно ваших тут не было. Последнего прям на пристани зарубили! Хех!

— Позвольте поинтересоваться, а за что его так?

— Невежливый был, — бес многозначительно посмотрел на ангела. — Ну да ладно! Сейчас гражданина оформлю, с ним и пройдёшь.

Иезекииль благодарно кивнул, но внутри уже всё клокотало. Хотелось достать меч и изрубить этих чертей за то, что тянут время.

К столу подошла пожилая дама, высохшая, как чернослив, с тугим пучком седых волос на голове и в тёмно-синем, наглухо закрытом платье.

— Полное имя и дата рождения? — вопрошал бес.

— Фаустова Изольда Андреевна, двенадцатое января одна тысяча восемьсот десятого года от Рождества Христова. Ой! А уместно ли это уточнение, любезный? — уставилась на рога дама.

— Как вам удобнее, милейшая! Мы тут без предрассудков, — отмахнулся Хряп. — Причина смерти?

— Смирнов Васька! Отрок окаянный! — выпалила женщина.

— Это как?

— Довёл меня на занятии по словесности, вот сердце и не выдержало.

— М-да... Дети — цветы жизни, чтоб их черти драли, — вздохнул Хряп.

— Воистину! — возвела очи к небу Изольда Андреевна.

— У меня их вон какая орава, — кивнул чёрт в сторону своих помощников, — и все как один бестолочи! О-хо-хо!

Повздыхав, старый бес достал огромную книгу и принялся её степенно перелистывать. Женщина смиренно ожидала, а ангел закипал. Наконец, найдя нужную страницу, Хряп начал заполнять пустые строки, медленно выводя письмена. Закончив с грессбухом, он взял маленький чистый бланк из стопки на столе, переписал некоторые данные со страницы Изольды, из ящика достал одну из печатей, дыхнул на неё, поставил штамп, вернул печать на место и, грузно поднявшись, закрепил бланк на груди женщины как орден.

— Мы можем идти? — нетерпеливо спросил ангел.

— Постой, торопыга! Мне же тебя тоже нужно зарегистрировать, выдать пропуск. Та-а-ак! Где у меня гостевой журнал? — Хряп слез со стула и начал копаться в многочисленных ящиках.

Бес снова и снова перерывал весь стол, но журнал так и не находился. Изольда бесстрастно наблюдала за процессом, а Иезекииль в который раз предлагал свою помощь, подавляя желание убить старого чёрта. Как вдруг, женщина всплеснула руками и спросила:

— Господин Хряп! А что это здесь под столом?

— Ой! Так вот он — наш журнальчик! Точно-точно! Мы его под ножку сунули, чтоб стол не качался. Забыл совсем... Говорю же: гостей давно не было, без надобности был.

Хряп подполз на четвереньках к ножке и начал безуспешно тащить книжонку. Ангел, собрав всю свою злость, выместил её на мебели: схватившись за столешницу, одной рукой поднял, а второй вытащил журнал. Рассыпаясь в словах благодарности, таких же неискренних, как извинения Хэра, бес вернулся на рабочее место, открыл тонкую книжечку, и причитая, начал разбираться, что куда здесь надо писать. Наконец-то, закончив изучение, выдал:

— Приступим! Полное имя?

— Иезекииль.

— Должность?

— Ангел Господень.

— Место убийства?

— Рай, — со вздохом сказал ангел.

— Место назначения?

— Дворец Люцифера.

— Цель визита?

— Доставка послания.

— Срок пребывания?

— Сразу обратно.

— Наличие контрабанды?

— Например? — опешил Иезекииль.

— Ну ты ж ангел. Откуда у тебя контрабанда?! — бес хохотнул, Изольда поддержала его улыбкой, у Иезекииля задёргался глаз. — Напишу, что нет. Так-с! Теперь пропуск...

Хряп взял чистый бланк, заполнил, отложил в сторону и начал рыться в своём ящике с печатями, но поймал на себе испытующий взгляд ангела и стал искать активнее. Нашёл, поставил штамп, хотел было прикрепить листок, но Иезекииль выхватил и сунул его во внутренний

карман плаща. Старый чёрт указал путникам на дверь, появившуюся у него за спиной, пожелал счастливого пути и, как только они скрылись, самодовольно крикнул, потирая руки.

За дверью оказался огромный зал, будто высеченный в скале, стены и потолок скрывались во мраке, а маршрут обозначался горящими факелами на колоннах, поддерживающих свод. В конце пути их ждали большие кованые ворота. Иезекииль облегчённо вздохнул: всю дорогу Изольда, не замолкая, рассказывала истории из своей жизни, висла на руке ангела и просила не торопиться. Толкнув ворота и увидев бесконечную вереницу покойников, он испустил стон отчаяния. Вклинившись в очередь, спутники продолжили свой неспешный поход к цели.

Ангельское терпение практически иссякло. Огромный мужик перед Иезекиилем поминутно вставал как вкопанный, и его было невозможно обойти или сдвинуть. Пацан справа постоянно падал под ноги. Девушка слева сально улыбалась и строила глазки. Кто-то сзади, не прекращая, тыкался в спину, а Изольда продолжала говорить. В один момент взор застила пелена, ангел взревел, стряхнул старуху с руки и начал пробираться сквозь толпу, бесцеремонно расталкивая всех без разбора.

Глава 2. Посланник

Бесконечная вереница покойников тянулась от самых ворот Чистилища и уходила далеко к высокому берегу широкой тихой реки. Дорога была одна, сойти с неё невозможно, как и повернуть назад. Мужчины, женщины, старики и дети, всех рас, народностей и конфессий — все стояли в молчаливом ожидании неизвестного, лишь озирались, смотрели друг на друга и медленно продвигались вперёд.

Конец у этой очереди всё же был. У самого края обрыва дорога сужалась, и мертвецы уже по одному подходили к большой, гладкой каменной площадке, на которой возвышался резной аналой¹. Витиеватый узор был настолько тонок и изящен, что с первого взгляда и не разобрать, что он изображает: то ли зверей и птиц, то ли растения, то ли какие-то батальные сцены далёкого прошлого, а может, будущего... В этом месте не существовало времени. Солдат в кольчуге шёл за дамой в кринолине, она была за юнцом в набедренной повязке, а тот дышал в затылок статному мужчине в смокинге. Но объединял всех маленький клочок бумаги, прикреплённый на груди каждого, и удивление, когда подходила их очередь.

За аналоем стоял практически скелет, плотно обтянутый высушенной кожей, одетый в чёрный потрёпанный балахон. Когда очередной покойник ступал на площадку, Иссохший срывал записку с его груди и мановением руки начинал перелистывать фолиант, лежащий перед ним. Найдя нужную страницу, регистратор сверял данные, иногда что-то спрашивал, делал в книге запись длинным чёрным пером. Затем поднимал руку с зажатым между пальцами пропуском, который тут же сгорал разноцветным огнём. В зависимости от цвета пламени, являлся луч света, утягивающий мертвеца, дева-воительница, старик в хламиде, мужчина с головой шакала, какой-нибудь странный зверёк или другой проводник. Но чаще всего огонь становился красным. Тогда регистратор указывал духу направо или налево.

Сразу за площадкой, прямо в утёсе были высечены две лестницы, ведущие к воде. Они извивались между выступами, скрывая от страждущего конец маршрута. Направо костяной указывал намного чаще, а после того как налево отправлялись шестеро, он выходил из-за рабочего места и ступал за ними вниз. Спустя какое-то время распорядитель душ возвращался, и процедура продолжалась.

* * *

Дамочка в вызывающем платье и ярком макияже, на высоких каблуках подходила к площадке. Она уже переминалась с ноги на ногу, закатывала глаза и цокала языком, как прямо перед ней в очереди оказался высокий юноша с правильными чертами лица и ясными, как небо глазами. Отодвинув болезненного вида мальчика, он подступил к аналою.

— Приветствую тебя, Харон! Мне нужно на тот берег. У меня важное послание для Люцифера.

— Здравствуй, Иезекииль. И тебе не хворать. Вот почему ваша братия все прямые как палка? Почему не спросить: «Уважаемый, как дела? Как служба? Посодействуй в задании, пожалуйста», — скелет говорил без злобы, скорее как дедушка, увещающий внука.

— Прости мою невежливость, но дело срочное. Нет времени на любезности...

— Пра-а-астите-е-е... — за спиной юноши раздался визгливый женский голос. — Вообще-то, я тут стою уже целую вечность! Куда без очереди лезешь, утырок?!

— Уйди, блудница, у меня задание!

— Да мне плевать на твоё задание, пархатый! Ты хоть знаешь, кто мой папа?!

¹ Восстание Ань Лушаня — гражданская война в Китае с 755 по 763 год. Согласно официальным подсчётам, за время восстания население Китая сократилось на 36 миллионов человек.

— Отец твой — вор, лжец и душегубец, а ты праздная распутница.

— Ты охренел?!

Девушка взвизгнула и кинулась на парня, выставив вперёд остро наточенные розовые ногти. Ангел лишь взмахнул рукой, как она отлетела в сторону, упала плашмя и обернулась чёрной жижей с блёстками. Ещё несколько мгновений и эта лужа впиталась в землю, а её место покрылось сорной травой.

— Надеюсь, у тебя не будет из-за этого проблем? — Иезекииль озадаченно посмотрел на выросшие сорняки.

— Уверен, что нет! — жизнерадостно сказал Харон и продолжил. — Но всё равно придётся подождать. Правила есть правила, нам нужны ещё два пассажира.

— Не смею перечить, — Иезекииль покорно посторонился, пропуская больного мальчика, и встал сбоку.

Регистратор продолжил свою работу, а ангел внимательно наблюдал и подсчитывал, сколько уже душ отправилось по правой лестнице, а скольких забрали проводники. Лестница побеждала с таким отрывом, что дальше вести учёт не было смысла. Поэтому Иезекииль просто изучал покойников и старался не мешать. Но и это вскоре наскучило, и он решился завести разговор:

— Я никогда здесь не был. Почему все люди из разных эпох?

— Ко мне они попадают только после осознания и принятия своей смерти, а всем требуется разное время для этого. К тому же не стоит забывать про параллельные миры, нелинейность и цикличность времени. Ты не можешь себе представить, какой хаос здесь творился, когда было заключено соглашение о Единой системе перехода и не было правила ожидания принятия! Драки, дебоши, прыжки с обрыва... такая суматоха. Жуть! Так что переоборудование Чистилища в зону принятия было очень мудрым решением.

— Да-а-а... незавидная у тебя работа.

— Ну уж лучше твоей! Я делаю своё дело, и никто мне не указ, а ты, как цепной пёс, на кого натравили, тот и враг.

Ангел хотел было возмутиться, но понял, что так оно и есть. К тому же подошла статная, хорошо одетая женщина. Кажется, она не только всё понимала, но и была к этому готова. Мадам уверенно ступила на площадку и протянула распорядителю записку и странную монету.

— О! Госпожа Редер, добро пожаловать! Вам налево, — Харон жестом указал путь.

— Вы очень любезны, — она очаровательно улыбнулась и отправилась по лестнице.

— Та самая ведьма? — шёпотом спросил Иезекииль.

— Да-да! Потрясающая женщина! Предотвратила две войны, возвела свою семью в высший свет, оставила великое наследие.

— Благодаря сделке с дьяволом.

— Благодаря своим талантам и небольшой поддержке Бафомета, — Харон лукаво улыбнулся.

— Мне кажется, ты не так беспристрастен, как говоришь.

— Я искренне восхищаюсь талантливыми, незаурядными людьми, независимо от того, кому они служат.

— Но разве не в праведном служении смысл бытия?

— А как понять праведен твой путь или нет?

— Служение отцу нашему, безропотное и бескорыстное, есть единственный праведный путь.

— Да неужели? — наигранное удивление отразилось на высохшем лице. — А как же она?

Харон улыбнулся и подмигнул древней старухе, стоявшей перед ним. Женщина была такой сухой, что походила на своего распорядителя. Она улыбнулась в ответ, сложила руки у груди ладонь к ладони и поклонилась. Записка между костяшками вспыхнула оранжевым

огнём, и на площадке возник молодой мужчина в кашае² цвета шафрана. Его оливковая кожа будто светилась, лицо было доброе и открытое. Он подошёл к старушке, широко ей улыбнулся, обнял за плечи и увёл вдаль по лучу света. Собеседники проводили их взглядом, и Харон продолжил:

— Она прожила праведную жизнь. И не одну. И заслужила высшее благо — вечность в мире и покое.

— Согласен. А вот с этим как? — Иезекииль кивнул на подошедшего мужчину. — Он тоже вёл праведную жизнь. Жена, дети, внуки, честный труд, помощь сирым и убогим, службы в церкви, соблюдение заповедей...

— Ага! — подтвердил регистратор, бумага вспыхнула красным. — Вам направо, уважаемый.

Мужчина скрылся за утёсом. Ангел с недоумением вопросительно посмотрел на Харона.

— Твоему отцу он не нужен, а для Люцифера слишком зауряден, — прокомментировал Иссохший.

— Как-то несправедливо, — после небольшой паузы вздохнул юноша, — ведьму туда, а его...

— Да что ты к ней привязался? Она тоже праведно служила своему господину. И видимо, лучше, чем он, раз её взяли к себе, а его нет. Вот я тоже, по сути, служу верой и правдой. Только не господину, а своему призванию. Так что же получается по твоему разумению? Я что-то делаю не так? Может, мне стоит всё бросить, прийти к твоему отцу и просить принять в свой стан? А здесь кто разбираться со всем будет? Может быть, ты, Иезекииль, лучше справишься? Справедливее?

Ангел потупил взор, задумался, кажется, что-то понял, но это не точно. Харон методично продолжил распределять души. Через некоторое время Иезекииль встрепенулся, словно от громкого звука или громкой мысли, и спросил:

— А бывало ли, что ты хотел вмешаться, изменить решение богов?

— Было такое, и не раз. Пришёл как-то заблудший воин. Рождён под сенью Сварога, погиб в стане Одина, а упокоен по-христиански. Тот ещё фрукт, конечно, но мне стало его жалко. Из-за бюрократии остался не у дел, потерянный, всеми забытый, а в нём огонь горит. Помыслы чисты, рука тверда и столько силы внутренней... Не смог я его отправить в Лету. Переправил на тот берег, пришёл к Люциферу и попросил за него.

— И что? Падший согласился?

— В нём больше гуманизма, чем тебе говорят.

Ангел не успел парировать, как подошёл высокий, стройный юноша, настолько прекрасный, что если бы не место встречи, то Иезекииль принял бы его за своего. Парень не выглядел так уверенно, как госпожа Редер и не имел особой монеты, но Харон явно был ему рад.

— Добро пожаловать, господин Такахаси! Вас ожидают, пройдите налево.

Такахаси скрылся за утёсом, Харон распределил ещё несколько мертвецов, закрыл свой фолиант и жестом пригласил Иезекииля пройти по лестнице слева от него. Ступени выглядели, мягко говоря, опасно, для смертных уж точно. Ангел ступил на них решительно, но с чувством тревоги, сделал несколько шагов и услышал позади голос адского привратника.

— Эй, молодёжь! Ты правда собрался ногами топтать? — Харон скалился своей безгубой улыбкой и догонял его.

Поравнявшись с ангелом, проводник провёл костлявой рукой по скале, ухватился за не приметный выступ и нажал на него. Тут же лестница пришла в движение и спутники плавно,

² Восстание Ань Лушаня — гражданская война в Китае с 755 по 763 год. Согласно официальным подсчётам, за время восстания население Китая сократилось на 36 миллионов человек.

но быстро поплыли вниз. Иногда Иезекииль видел, как с другой стороны утёса спускается последний из распределённых покойников.

Вскоре они достигли воды. Лестница заканчивалась причалом, у которого была привязана большая лодка, покрытая той же резьбой, что и аналой Харона. Госпожа Редер уже сидела на скамье у носа, а остальные неуверенно топтались на причале.

— Господа, занимайте места согласно купленным билетам! — радостно объявил Харон и сел на корме.

Шутку оценила только ведьма, игриво хихикнув и с интересом посмотрев на ангела. Когда все расположились, Харон ласково погладил ручку руля, прошептал какие-то слова, и лодка пришла в движение.

С воды стало видно правую лестницу. Она тоже заканчивалась небольшим пирсом, но там стояли два демона в человеческом облики. Как только покойник спустился, его схватили и бросили в реку. Он успел лишь вскрикнуть. Вода вскипела вокруг него и тут же поглотила, будто снизу включился мощный насос. Пассажиры хором ахнули от этой сцены, а рулевой буднично вывел лодку на середину реки. Сначала медленно, потом быстрее и быстрее судно скользило по водной глади, в направлении другого берега. Длительное молчание прервал Харон:

— Эй ты! Убери руки! Не видел, что происходит, если попасть в воду?! Достаточно палец окунуть и Лета проглотит тебя, а мне потом отчитываться.

— А что случается с душами, которые попадают в реку? Они просто в ней растворяются, и всё? — Такахаси не отводил глаз от демонов на посту.

— Души не растворяются в Лете, но становятся её частью, питают, приводят её в движение и скапливаются в Истоке душ. Когда Исток переполняется, души выплёскиваются через край и возвращаются в мир смертных, но это уже не те люди, которыми они были. Лета очищает их своими водами, обновляет, даёт ещё один шанс. Слышал про реинкарнацию? Так вот, это она.

— А почему он называется «исток»? Исток — это же начало реки, — поинтересовался зрелый длинноволосый мужчина в кожаной куртке.

— Лета замкнута сама на себе. Где начало, там и конец.

— Уроборос? — подметила госпожа Редер.

— Пожалуй, так и есть, — ухмыльнулся Харон, после чего все задумались и путь продолжился в тишине.

От мыслей всех снова отвлёк крик Харона: «Да куда ты опять руки суёшь, Зик! Я тебя сейчас свяжу и к скамье приклею!» Тот, кого паромщик назвал Зиком, выглядел отталкивающе. На красивом лице всё время было надменное выражение. Высокие азиатские скулы и длинные, гладкие как шёлк, тёмно-каштановые волосы придавали его внешности что-то эльфийское, а блеск янтарных глаз вызывал неконтролируемое чувство тревоги. Он медленно водил ладонью над водой и пристально на неё смотрел, будто пытаясь загипнотизировать. Внезапно речная гладь откликнулась, небольшая её часть приподнялась, выпятилась, как ложноножка у амёбы, и потянулась к своему заклинателю, вторя манящим движениям тонких длинных пальцев. Зик поднял глаза на Харона и хищно оскалился:

— Кажется, я договорился.

— Не дури! Ты думаешь, тебе снова всё сойдёт с рук?

— Раньше же сходило, — лицо шамана светилось от чувства собственного превосходства. — Я давным-давно взломал вашу систему. Сколько раз я уже возвращался? Вернусь и сейчас.

— Нет, дорогой, твои выходки всем надоели! Теперь у тебя билет в один конец!

За разговором все пропустили момент, когда вода коснулась руки, начала поглощать и тащить за собой её обладателя. Харон резко остановил лодку, Зик орал, пытаясь свободной конечностью вытянуть другую из водного плена. Мужик в кожанке обхватил шамана руками,

не давая ему свалиться за борт. Ведьма и бледная девушка, до этого сидевшая тихо, не отсвечивая, визжали во всё горло, а лодка уже раскачивалась так сильно, что вот-вот перевернётся. Паромщик приказал Такахаси сесть и контролировать баланс, что сделал и сам, иначе бы все уже были в воде.

С трудом удерживая равновесие, Иезекииль встал со своего места, вытащил из-под плаща меч и наотмашь рубанул по водяной ложноножке. Он не думал, что это сработает, но нужно было сделать хоть что-то, ведь под угрозой была уже не только миссия: позорно погибнуть на первом же задании, да ещё не боевом, а почтовом.

Удача благоволит отважным. Вода отступила, поверхность реки снова стала гладкой как ни в чём не бывало. Остатки стекли с руки Зика дохлой медузой, шлёпнулись на дно лодки и тут же высохли. Кожа на изящной кисти почти до самого локтя слезла, как при химическом ожоге. Шаман смотрел на свою конечность, едва не плача. Остальные пассажиры, успокоившись, заняли прежние места, и лодка снова двинулась в сторону берега.

— Рекомендую поблагодарить своих спасителей, — Харон кивнул на ангела и рокера, но Зик лишь злобно на него зыркнул и продолжил баюкать покалеченную руку.

— Лично я спасал свою миссию. Не более, — прокомментировал Иезекииль.

— Я могу помочь, — тихо сказала госпожа Редер, наклонившись к шаману.

— Без тебя справлюсь! — огрызнулся тот. Ведьма пожала плечами «не хочешь, как хочешь» и вернулась к созерцанию приближающегося берега.

— Прости, — ангел обратился к паромщику — а разве в Ад берут не за «особые заслуги»?

— Каждый заслуживает свой билет по-своему. Тебя интересует конкретно наш водолюбивый друг?

— Да. Мне казалось, что шаманы уходят в Туманные земли.

— Обычно так и бывает. Но наш попутчик необычный. Зик действительно взломал систему и научился возрождаться без обнуления, так сказать. И с новой жизнью продолжать старые идеи. Всем было бы плевать на его фокусы, но у мальчика появился комплекс бога, и он начал вмешиваться, куда не надо.

— Мальчик?! Да мне почти тысяча лет!

— А мне десять тысяч! Кажется... Я уже не помню. Так что сиди и молчи! Ты и так мне график нарушил. Так вот. Было принято решение ограничить ему доступ к путям возрождения. Можно было запереть его в Лимбе или сразу низвергнуть в Великое Ничто, но боги милостивы. Некоторые из них. Поэтому Люцифер согласился взять мальчика на поруки. Вдруг перевоспитается, ведь не дурак и талантливый.

— А в Аду есть школа для трудных детей? — усмехнулся рокер.

— Там много чего есть.

— Таверны и бордели? — подхватил Иезекииль.

— Странно, что ангел в первую очередь подумал про бордели, — Харон бросил хитрый взгляд, и ангел зарделся.

— Ну а чего ещё ждать от отца порока?

— Ну знаешь! У него тоже есть отец, а говорят яблочко от яблоньки... — паромщик явно подначивал. — Но бордели действительно есть. И таверны. А ещё есть жилые кварталы с садами, площадки для выступления музыкантов...

— То есть я смогу поиграть с Моррисоном? — оживился рокер.

— Возможно. Больше всего мне нравится Главная площадь Хеллграда. Там можно купить всё что угодно! Местные дельцы представляют плоды своего труда: портные, ювелиры, оружейники, виноделы, зельевары и многие другие. Главное, что простые вещи можно получить даром или за мелкую услугу. Ох-хо-хо! Я как раз собирался зайти за новым одеянием, а теперь не успею.

— Тебя послушать, так меня ждут Райские кущи! — съязвил Зик.

— Нет, тебя ждёт легион. Распределят куда-нибудь, а там у тебя будет время подумать. Если приживёшься, станешь достойным легионером, а нет, то выставят за ворота. Тогда: либо ты найдёшь себе занятие, как те кузнецы и виноделы, либо скатишься в безумие, и тогда уже Лимб и Великое Ничто, — шаман делал вид, что не слушает, зато Такахаси внимал каждому слову.

— Я... я не смогу в легионе! Я пацифист.

— Не переживай, Киоши, твоё место в легионе Лилит. Там воевать ни с кем не надо, — Харон лукаво улыбнулся.

— Только бороться, — хихикнула ведьма.

— Теперь всё ясно, — протянул ангел.

— А вот мне неясно! — заволновался Такахаси. — Я вообще не понимаю за что меня в Ад? Я же буддист!

— Твоё вероисповедание не имеет значения, если ты был создан для того, чтобы стать инкубом, — успокаивающим тоном сказал Харон. — Не самая плохая участь, если честно. Я, может, и сам бы пошёл, да лицом не вышел.

— Свезло так свезло! — мечтательно протянул музыкант. — А меня куда?

— А кому ты душу продал за контракт с лейблом?

— Не помню. Я пьяный был. Подошёл хлыщ модный, в костюме за мою годовую зарплату, говорит: «Мик, талантливый ты засранец, но невезучий. Хочешь, удачу твою поправлю?» Ну я и согласился. Думал, он агент какой.

— Ну музыкантов Амдусиас собирает. Сама она, конечно, рекрутингом не занимается, а вот её правая рука, Кроули, любит среди живых порисоваться, — Харон задумчиво поскрёб череп длинным ногтем.

— Вот! Точно! Кроули! А как у них там?

— Точно сказать не могу, сам не был. Слышал только, что там «вечный Вудсток», чтобы это ни значило.

— Тогда я тоже в шоколаде! — приободрился Мик и хлопнул по плечу Такахаси, тот чуть не перевернулся, но вовремя схватился за ударившую его руку. Рокер помог парню вернуть равновесие, и оба рассмеялись.

Тем временем они уже доплыли до небольшого пляжа. По сравнению с угрюмой скалой, от которой они отбыли, он выглядел более чем дружелюбно. Пологий берег, уходящий далеко за горизонт, справа и слева покрывала густая зелёная трава и мелкий кустарник, сам пляж состоял из гладкого белого песка, и лишь задумавшись, можно было понять, что это перемолотые кости.

Лодка пропахала кромку воды и вылезла почти наполовину на берег. «Приехали! Выгружаемся!» — скомандовал паромщик. Первым, очень аккуратно, чтобы не задеть воду, прыгнул Мик и подал руку госпоже Редер. Такахаси, вдохновившись его примером, помог спуститься бледной девушке. Иезекииль, не выпуская рукояти меча, приказал Зику высаживаться без фокусов и последовал за ним. Харон сошёл последним, сделал глубокий вдох, выпрямился во весь рост, потянулся и раскинул руки в стороны. Ему явно здесь нравилось, и он не хотел терять ни мгновения, наслаждаясь пейзажем.

Через пару минут с пригорка к ним спустилась женщина. Она шла легко и грациозно, будто шагает по подиуму, а не по песку. Её фигура, волосы и лицо были совершенны. Длинная полупрозрачная юбка с разрезами по бокам до самого пояса при каждом шаге обнажала стройные ноги и сочные бёдра. Огромные синие глаза горели ледяным пламенем. Волосы цвета мёда густыми локонами спадали на голые плечи, а небольшие рога с изящным изгибом смотрелись как модный аксессуар. Красотка подошла к Харону, оскалила свои острые клыки в обворожительной улыбке и протянула ему руку.

— Здравствуй, дорогой! — её голос звучал мелодично, как пение сирены. — Я рада тебя видеть. Наконец-то ты и мне подарочек привёз.

— Всё для тебя, краса моя! — весело ответил паромщик, прильнув иссохшими губами к руке дьяволицы.

— Так, где же он? Ах! Вот он где! — пропела она, подходя к своему «подарочку». — Киоши Такахаси, добро пожаловать в легион! Меня зовут Вивьен, и я буду твоим наставником. С этого момента ты принадлежишь мне.

— П-приятно познакомиться, — запинаясь, проговорил Такахаси, неловко поцеловал протянутую руку и тут же отпрянул.

— Неплохо! Но ещё есть над чем поработать, — расхохоталась наставница.

— Вивьен? Позвольте представиться! Меня зовут Мик, — музыкант подскочил к дьяволице, приобнял за талию, взял за руку и томно её поцеловал.

— Ты мне неинтересен. По крайней мере сейчас, — Вив высвободила свою кисть, сделала смахивающее движение, отбросившее Мика в сторону, и обратила взор на ангела. — А вот ты хорош. Как на счёт поделиться со мной генетическим материалом?

— Спасибо за предложение, но я откажусь.

— Ну почему же? — сладострастно протянула дьяволица, подплыла к ангелу и начала его рассматривать и ощупывать. — Ах, какие скулы! И подбородок... Плечи, торс, бёдра... м-м-м... идеальные пропорции! Чистокровный ангел... Уф-ф! Заканчивай свои дела и приходи ко мне в любое время. Обещаю выделить тебе лучших суккубов. Ну чего ты кривишься? Ладно! Поработаю с тобой лично. Всё что угодно для такого ценного клиента!

Вивьен расхохоталась, видя, как ангел смущённо отводит глаза и краснеет, лукаво улыбнулась Харону и вернулась к Киоши. Жестом позвала его за собой, махнула паромщику и пошла прочь. Такахаси попрощался со спутниками, поблагодарил распорядителя душ и поспешил за своей наставницей.

Не успели они покинуть пляж, как навстречу вышел здоровый мужик в кожаной жилетке на голое тело и джинсах. Он нахально подмигнул Вивьен, а когда они поравнялись, с разворота хлётко шлёпнул её по задку, за что сразу же получил не менее хлёткий подзатыльник. На том и разошлись. Здоровяк развязанной походкой подошёл к паромщику, схватил своей огромной лапой его костлявую руку и энергично затряс в приветствии.

— Здорово, дед! Сто лет тебя не видел! Как ты? Как служба?

— О! Спасибо, дорогой, всё хорошо. А с каких пор ты новобранцев встречаешь?

— Да это разовая акция, я надеюсь. Ну? Кто тут мой?

— Выбирай любого! — отшутился Харон и указал на рокера: — Вот этот.

— Ты? Это же... ты?! — Мик заикался и не мог выразить свою мысль.

— Да, я.

— Ты же!

— Да-да...

Малосодержательный диалог прервал лёгкий шелест по песку. Из небольшого песчаного вихря выступила высокая фигура в длинном чёрном балахоне, расшитом причудливыми узорами и драгоценными камнями. Из-под капюшона не было видно лица, зато из рукавов свисали кисти антропоморфных рук. Фигура плавно подошла к бледной девушке, протянула к ней четырёхпалую конечность с длинными узловатыми пальцами, в которых фаланг было явно больше, чем нужно, и проговорила тихим шелестящим голосом: «Кристина, мы рады видеть тебя. Теперь ты дома и можешь не скрываться». Девушка скинула свой белый лабораторный халат на песок и вложила руку в протянутую ей длань.

Оставшиеся на пляже смотрели за этим действием как замороженные, кроме здоровяка в жилетке. Стоило гостю в капюшоне материализоваться, он схватил Мика за руку и потащил с пляжа, шепнув: «Это легионер Чумы, ну его на хер».

Под халатом Кристины скрывалось измождённое девичье тело, покрытое воспалёнными язвами. Позвонки и суставы выпирали неестественно угловато, как гребни крокодила, обтянутые кожей. Едва руки девушки и проводника соприкоснулись, по её телу ударила энергетическая волна, костяные наросты прорвали кожу вдоль позвоночника. На плечах, локтях и коленях вылезли острые шипы. Пальцы вытянулись, ногти превратились в крючковатые когти. Легионер одобрительно хмыкнул, свободной рукой распахнул балахон и прикрыл им девушку. Та прижалась к проводнику, и оба растворились в новом пылевом вихре.

— Даже не попрощались! — возмутилась госпожа Редер.

— А чего ждать от чумных? — беззаботно ответил Харон. — Они и так слишком оторваны от всех и вся, да ещё другие стараются их избегать. Вот и теряют социальные навыки.

— Долго нам здесь ещё торчать? — капризничал Зик.

— А это, кажется, за мной! — ведьма привстала на цыпочки, рассматривая нового гостя, спускающегося к воде.

К лодке приближался мужчина в сопровождении двух демонов-стражников в чёрных доспехах. Он был среднего роста, широкоплечий, тёмные волосы и аккуратная бородка выглядели так, словно господин только что вышел из парикмахерской. Красивое лицо с правильными чертами выдавало ангельское происхождение. Одет архидемон был в чёрную атласную мантию нараспашку, расшитую серебром, красную шёлковую рубашку, чёрные штаны из тончайшей кожи и высокие сапоги с широким голенищем. Уверенно и быстро он подошёл к паромщику и протянул руку для приветствия.

— Здравствуй! Надеюсь, я не заставил долго ждать?

— Если ты скажешь, что заберёшь всех троих, то я тебя прошу, — Харон пожал протянутую руку.

— Ну, почти так и есть, — улыбаясь ответил демон. — Шамана конвоируют стражи до легиона. Послание для Люцифера передам я, и я же провожу мою несравненную Герту в её новый дом.

Гвардейцы подхватили Зика под локти и повели прочь. Брюнет подошёл к госпоже Редер и поцеловал её руку, та смотрела на него восторженным взглядом и чуть не таяла от такого внимания. Демон обратился к ангелу, отцепив от себя ведьму:

— Я — Бафомет. Отдай мне послание и можешь возвращаться с Хароном.

— Прости, темнейший, но я не могу. Мне было велено передать лично в руки.

— Ты... не усложняй. Просто отдай мне письмо. Ответ направим сразу, ты не успеешь и вернуться. Я обещаю.

— Прости, но нет. Я должен.

— Так! Милая, ступай туда, — Бафомет указал ведьме на выход с пляжа, — там стоит моя карета, подожди меня в ней. А с тобой... ладно, сейчас решим.

Демон отошёл в сторону, повернулся спиной к спутникам, призвал магическую сферу и заговорил с ней. Иезекииль растерянно посмотрел на Харона, но тот лишь пожал плечами.

— Слушай, если меня всё же пустят во дворец, может, на обратном пути я смогу принести тебе новое одеяние? — предложил ангел.

— О, это было бы замечательно! На площади, она сразу за воротами Хеллграда, есть лавка «Весёлый монах», её хозяин — старик Хью знает, что мне нужно. Просто скажи, что для меня.

— Договорились! Если всё получится, то обязательно зайду.

— Ох! Я буду тебе очень признателен! — воодушевился Харон.

— Хватит болтать! Пошли уже, — Бафомет был явно недоволен. — Спасибо за службу, Харон. Прости, что задержали тебя.

— Всегда пожалуйста, Баф. Присмотри за мальцом, — паромщик многозначительно глянул на демона, тот понимающе кивнул и пошёл к выходу с пляжа, увлекая за собой ангела.

Наверху взгорка Иезекииль увидел утоптанную площадку, где стояла роскошная карета Бафомета, запряжённая двумя чёрными адскими конями. Те кони хоть походили на обычных, но всё же отличались. Тела их будто сотканы из бархатной тьмы, хвост и грива клубились как дым, глаза горели огнём, копыта были из обсидиана.

Ангел с восторгом смотрел на грациозных существ. Они завораживали, и ему захотелось прикоснуться к удивительной шкуре. Иезекииль уже протянул руку, но Бафомет с силой ударил по ней. И вовремя: там, где только что была ладонь, клацнули острые клыки.

— Ты совсем, что ли?! Это тебе не милые пони. Они вдвоём вепря за пять минут обглаживают до костей, твоя рука ему как зубочистка.

— Я не знал, прости.

— Садись уже! И запомни: прежде чем что-то трогать, хотя бы меня спроси. А, прежде чем что-то сказать, очень хорошо подумай. Мы в Аду, а ты ангел. Здесь для тебя опасно всё и все.

Иезекииль понимающе кивнул и залез в карету. Бафомет возвёл очи к небу, прошептал: «За что мне всё это?», крикнул с подножки кучеру: «Сначала в усадьбу, потом во дворец!» — и уселся рядом с ведьмой напротив ангела.

Несмотря на ухабистую дорогу и резвость коней, карета ехала плавно, будто скользила по воде, и Иезекииль с любопытством и интересом смотрел в окно на быстро сменяющийся пейзаж. Грунтовка от пляжа вильнула пару раз между большими деревьями и превратилась в брусчатку, идущую ровно к городским воротам прямо через поле.

С первого взгляда всё было, как обычно: сочная зелёная трава, примерно по колено мужчине среднего роста, кое-где небольшие кусты, странного вида цветы, над которыми кружили бабочки с причудливыми крыльями. Ни тебе котлов, ни раскалённой лавы, ни чертей с вилами. Думалось Иезекилию, что пройтись бы сейчас по этому лугу, понюхать цветы, понаблюдать за кружением бабочек, а не трястись в катафалке с ведьмой и архидемоном.

Стоило ему об этом подумать, как послышалось ржание коней, похожее скорее на рык, карета дёрнулась и остановилась. Бафомет высунулся в окно и спросил у возницы, в чём дело, тот отвечал: «Чёртова лоза буянит, повелитель!» Демон выскочил из кареты, и ангел последовал за ним.

По дороге клубились толстые упругие лианы тёмно-зелёного цвета с коричневыми шипами и чёрно-красными листьями. Они извивались, сворачивались кольцами и пытались атаковать лошадей, но те не давали себя в обиду. Кони яростно топтали растения, впивались в них острыми зубами, разгрызали и откидывали в сторону куски.

Кучер уже подоспел с коротким мечом на изготовку и стал бить лозу. Баф велением руки отбрасывал обрубки подальше в поле. Иезекииль решил тоже принять участие. Достал свой клинок, рубанул по ближайшей лозе, но от удара она лишь взвилась сильнее. Шипы вздыбились и словно дротики полетели в ангела. Иезекииль успел только вскрикнуть и заслонить лицо руками. Но ожидаемого удара не последовало. Открыв глаза, он увидел, как Бафомет левой дланью удерживает над ним магический щит, а правой продолжает раскидывать распоясавшееся растение. «Назад! Быстро! Оно тебя чует!» — рявкнул демон. Ангел подчинился, под прикрытием щита вернулся в карету, но продолжил смотреть в окно, пытаясь разобраться, как там проходит схватка с флорой.

Когда стало понятно, что отсюда ничего не понятно, гонец начал вглядываться в местный пейзаж. Как раз неподалёку виднелся куст тех самых цветов с бабочками. Присмотревшись, Иезекииля передёрнуло.

Куст представлял собой уродливый нарост, из которого торчали стебли, как волосы из бородавки. Они походили на тощие руки. Из ладоней, словно лепестки, свисали человеческие языки вокруг открытого глаза. Редкие ресницы этого глаза были тычинками с зубами на концах.

Одна из «бабочек» резко спикировала к цветку, вырвала большой коренной зуб и с писклявым безумным смехом помчала прочь. Пролетая мимо кареты, она дала возможность себя рассмотреть. Это было мелкое существо с тёмной морщинистой кожей, уродливой мордой и изодранными крыльями. «Что это?» — выдохнул Иезекииль. Ведьма прильнула к окну вместе с ним: «А! Это зубные феи». Ангел припомнил, что когда-то читал про них. Но в писании сказано, что Небесное воинство уничтожило это языческое отродье в человеческом мире, а они вот здесь живёхонькие, пасутся.

Следующей фее не повезло — она дёрнула зуб, но тот не оторвался. Тогда глаз моргнул, все языки разом сомкнулись, заперев существо в склизкой ловушке, и начали его обсасывать и переваривать. Другие феи не кинулись спасать сородича, а наоборот кружили вокруг «цветка» с диким хохотом и тыкали в него тонкими кривыми пальцами.

Ангел вопросительно посмотрел на ведьму, та лишь развела руками и сказала: «Выживает сильнейший, всё как у людей». Через несколько минут в карету вернулся Бафомет, и они продолжили поездку. Хотя до ворот оставалось подать рукой, мыслей о пешей прогулке больше не возникало.

— Прости, я... — начал было Иезекииль.

— Молчи. Просто молчи, — раздражённо прервал демон.

— ... Я думал, помочь.

— Плохо ты подумал. Давай вместе. Зачем перед городской стеной открытое поле?

— Чтобы враг не подошёл незамеченным.

— Рва нет, а значит...

— Значит, есть другая преграда — хищные растения.

— Преграда реагирует...

— На врага — ангелов.

— Следовательно...

— Устойчива к его оружию.

— А из этого следует что...

— Что нужно было спросить тебя, прежде чем лезть на рожон.

— Вот! Можешь когда хочешь. Поверь моему опыту, если ты здесь сгинеешь, никто хлопотать за тебя не будет. Спишут на сопутствующие потери, присвоят «героя» посмертно и забудут на следующий день. А мне перед Хароном будет стыдно, что не уследил.

— Прости меня, Бафомет. Я, конечно, оплошал с Чёртовой лозой, но я не беспомощный! Я ангел Господень, шестой когорты, двадцать третьего гарнизона. Я признателен за твою помощь в новом для меня деле, но прошу тебя не относиться ко мне с таким пренебрежением. Я быстро адаптируюсь и учусь. Вместо порицания лучше расскажи, чего конкретно мне ещё опасаться и к чему готовиться.

— Ладно. Прости, я погорячился. Каждый раз, когда ангел прибывает в Ад, происходит какая-то чертовщина, и каждый раз разгрести приходится мне.

— Приехали, повелитель! — крикнул возница.

Карета вкатилась на территорию большой усадьбы, обнесённой высоким забором. Трёхэтажное кирпичное здание окружал раскидистый сад. Дорожка от ворот и площадка перед домом были засыпаны мелкими разноцветными камешками, тихо шелестящими под колёсами. На высоком крыльце стояла красивая худощавая женщина неопределённого возраста. Её рыже-вато-каштановые волосы вились буйными кудрями, а руки были сложены на груди. Как только карета остановилась, Бафомет вышел и протянул руку Герте. Вместе они поднялись по ступеням к рассерженной женщине.

— Почему так долго? Я уже заждалась?

— Дорогая, тут образовалось ещё одно дело, — Бафомет кивнул в сторону кареты.

— Это ангел? В Аду?! — всплеснула руками встречающая, выглядывая из-за плеча демона.

— Да. Поэтому мне нужно ехать. Кайли, знакомься — это Герта. Герта, это Кайли. Она Верховная ведьма в нашем ковене. Кайли, посвяти сестру в дела, а я свожу ангела на аудиенцию к Лучезарному и вернусь. Не скучайте, девчонки! — Баф страстно обнял Кайли, поцеловал её в щёку, сел в карету и крикнул кучеру: — Трогай!

Адская колесница выскочила на мостовую и покатила в сторону замка, возвышающегося над городом. Иезекииль с интересом рассматривал улицы Хеллграда, а Бафомет о чём-то думал. Когда замок был уже совсем близко, демон заговорил:

— Слушай меня внимательно. Люцифер крайне вспыльчив, когда дело касается отца. И ангелов он не любит совсем. Поэтому от тебя не должно исходить ничего, кроме «вот письмо, дайте ответ, я пошёл». Не вступай с ним в дискуссию, не перечь, и уж точно не проповедуй. Чем меньше тебя будет, тем больше у тебя шансов выжить.

— Всё настолько плохо?

— Даже хуже.

— Хорошо. Обещаю не нарываться, — закивал ангел.

— Фух! Ну, в Бездну! — карета подъехала к высоким ступеням, высеченным в скале, и спутники начали своё восхождение.

Замок Люцифера представлял собой мрачное монументальное сооружение. Казалось, он просто вырос из самой горы и остаётся её частью. В целом так и было — падший возвёл свой дом с помощью магии, преобразовав один из отрогов окаменевшего Столпа Силы, некогда извергающего мощную энергию, питающую несколько миров, а теперь стоящий колоссальным памятником самому себе. Хоть источник и иссяк, остаточного заряда хватало на то, чтобы питать весь Ад, делая естественным то, что в мире смертных считается невозможным. Именно поэтому Люцифер обосновался здесь, заложил первый камень Хеллграда, а дальше город начал расти сам по мере того, как прибывали новые последователи Лучезарного.

Широкая каменная лестница заканчивалась могучей дверью, обитой железом, перед которой стояли два стражника в тяжёлых доспехах. Бафомет без промедления открыл одну из дверных створок и зашёл внутрь. Стражи даже не дрогнули, но стоило Иезекиилю приблизиться, как два острых меча уткнулись ему в горло и живот. «Ой! Задумался, прости», — Баф снова вышел, отвёл лезвия в стороны, поднял одну руку ладонью вперёд, пробормотал какие-то слова и, пропустив ангела, снова вошёл.

За дверью открылся просторный холл с мозаичным полом с изящным рисунком. Стены были отделаны тёмным деревом и украшены драпировкой и картинами. На потолке искрилась великолепная люстра без свечей и ламп. Свет исходил из самих гроздей удивительных кристаллов. А в середине холла напротив двери располагалась широкая лестница с резными перилами, расходящаяся в две стороны на втором этаже.

Иезекииль замер с открытым ртом от неожиданной красоты. Бафомет это заметил и тихонько усмехнулся, довольный произведённым впечатлением. Навстречу им вышел мужчина в красном камзоле, расшитом золотом и чёрным атласом. Белое восковое лицо не выражало никаких эмоций. Движения, осанка, походка — всё выдавало в нём истинного аристократа. «Повелитель ожидает вас в малом тронном зале. Я провожу», — сказал камердинер ровным глубоким голосом и, поклонившись Бафомету, свернул в коридор слева от лестницы.

— Я правильно понял, что стражники не настоящие? — тихо спросил ангел у демона, пока они шли по длинному витиеватому коридору.

— Ещё какие настоящие! Они же тебя чуть не зарезали, — съехидничал Баф.

— На тебя-то вообще не отреагировали.

— В некотором смысле ты прав. Это не демоны, и не люди, а големы. Они заколдованы лишь на оборону, распознавание свой-чужой и атаку в случае несанкционированного вторже-

ния. Очень практично! Выходных не просят, амбиций не имеют и полностью исключают возможность подкупа или вербовки врагами.

— Хитро! Падший придумал?

— Да простит меня Лучезарный, но нет. Это моя задумка и реализация, — Бафомет не скрывал удовольствия и гордости от признания своих достижений, а ангел смотрел на него с искренним уважением.

Коридор всё не кончался. Он поворачивал то направо, то налево, то закруглялся петлёй и возвращался туда, откуда только что ушёл. Иезекииль заметил, что ему становится всё тяжелее. Камердинер и Бафомет, будто на лёгкой прогулке, шли спокойно и степенно, в то время как ангел почти бежал за ними, чтобы не отстать. Ноги налились свинцом, каждый шаг отдавался болью во всём теле. «Очевидно, это часть системы безопасности замка. Нужно просто продолжать идти. Гордись собой, Иезекииль! Мало кто из ангелов может похвастаться, что зашёл так далеко и выжил», — он мысленно ободрял себя. Но тут в голове раздался другой голос, менее оптимистичный: «Ты ещё не выжил. Вряд ли в послании приглашение на Рождество. А никак падший решит выместить злость на гонце, принёсшим дурную весть? И будет всё, как сказал Бафомет: герой посмертно и поминай как звали?»

Когда уныние начало преобладать, когда сил поспевать за проводниками уже не осталось, и ангел просто волочился по этому нескончаемому коридору, едва не упуская демонов из вида, тогда наконец-то показалась красивая резная дверь. Камердинер широким жестом открыл её нараспашку, остановился на пороге и громко возвестил:

— Князь Бафомет с райским посланником, повелитель!

— Пусть уже заходят! Где их черти носят?! Бафомет, почему так долго? Мне заняться больше нечем, как сидеть здесь вас ждать?

— Прости, Лучезарный, пришлось заехать домой. Не тащить же к тебе ещё и мою новую жену.

— Нет, спасибо, ведьм мне здесь и своих хватает. Давай его сюда! — Люцифер неопределённо махнул рукой, требуя подать ему то ли письмо, то ли ангела.

Иезекииль так и остался стоять на пороге. За дверью его ждала просторная комната с высокими витражными окнами. По чёрному мраморному полу разбегалась паутина тонких золотых прожилок. Стены покрывал шлифованный оникс. У дальней стояло великолепное позолоченное кресло с высокой спинкой, резными подлокотниками и ножками в виде львиных лап. Верх изголовья украшал череп горного козла. Могучие рога покрывал чёрный лак, а их концы — золото, в глазницы были вставлены огненные рубины. На стене над тронем в золотой раме висел большой портрет Люцифера в полный рост.

На полотне повелитель Ада был изображён на фоне пылающих небес и поверженных ангелов, облачённый в чёрные доспехи, как у стражников, только без шлема, и в длинном плаще. Картина поражала изяществом и детализацией, но несмотря на мастерство художника, не передавала красоты запечатлённого на ней.

Иезекииль знал, что Люцифер был прекраснейшим из ангелов. Ему даже попадалась гравюра с изображением первых архангелов, с которой не вымарали лик предателя, но наставник рассказывал, что, отказавшись от отца и ангельского происхождения, падший потерял свою красоту, а переродившись дьяволом, стал совсем безобразен. Врал, нагло врал!

Воссседающий на троне в развязной позе молодой мужчина был прекрасен. Светлые волосы спадали на плечи серебряными волнами. Гордый профиль с прямым носом был достоин увековечивания в античных статуях. Цепкие, холодные как лёд, голубые глаза заглядывали в душу. Одет повелитель тьмы был в мантию из тёмно-красного бархата, отороченную коротким

чёрным мехом. Под мантией была белая шёлковая рубашка и чёрные кожаные штаны. На ногах красовались бабуши³ из красного атласа, расшитые золотыми нитями, рубинами и гематитом.

Кроме Люцифера, в комнате находились ещё пять высокопоставленных демонов. Идентифицировать их Иезекииль не успел — был слишком увлечён изучением интерьера и разглядыванием хозяина замка.

— Ну?! Чего ты там встал как истукан? Давай сюда свою писульку! — негодовал Люцифер.

— Прости, темнейший, — Иезекииль с поклоном подошёл к трону и протянул запечатанный свиток.

Отдав послание, ангел почтительно попятился назад и остановился, заняв удобное место, чтобы было видно Бафомета. Распечатав письмо, повелитель Ада быстро пробежался глазами по тексту, издал возглас негодования и принялся читать вслух:

Дорогой Люцифер!

Уведомляю тебя, что ввиду участившихся массовых случаев так называемой пляски святого Витта (третий раз в течение столетия в смертном летоисчислении), признанной святой церковью происками демонов, Небесное воинство, повинаясь догматам, вынуждено начать расследование с целью поимки и наказания виновного. Дабы ускорить процесс и предотвратить разрыв соглашения о перемирии, предлагаю найти повинного в сим богохульстве демона самостоятельно и передать его на суд Божий (мой) в ближайшее время. В противном случае я буду вынужден возобновить военные действия в адрес твоего поселения за чрезмерное вмешательство в жизнь смертных.

С любовью, папа.

³ Восстание Ань Лушаня — гражданская война в Китае с 755 по 763 год. Согласно официальным подсчётам, за время восстания население Китая сократилось на 36 миллионов человек.

— Нет, ну вы это слышали?! Его любимые обезьянки опять набедокурили, а виноват снова я!

— Пока лишь расследование назначено, — робко возразил Иезекииль, Бафомет поджал губы и страшно выпучил глаза, приказывая ему заткнуться.

— Ах, расследование! — завёлся Люцифер. — Знаю я, что это будет за расследование! Поймают мелкого беса, объявят виновным и казнят без суда и следствия! А потом скажут, что он во всём признался и снова развяжут войну. Можно подумать, он уже восстановил армию после последней битвы, чтоб на меня переть! Ну, братец, отвечай! Восстановил папаша армию? Породил полчища ангелов?!

— М-м-м... — Иезекииль попытался что-то сказать, но только опустил глаза и отрицательно качнул головой. Молодые ангелы не умеют врать, Лучезарный это знал.

— Так и наши легионы пусты как никогда, — мрачно заметил худой темноволосый демон, в котором ангел угадал Асмодея, сластолюбивого покровителя ревности и мести.

— Мы с Лилит работаем не покладая рук, — вставил искуситель Маммона.

— За что я вам очень благодарен, — отметил повелитель. — Но другим тоже следует поднапрячься.

— Только прикажи! Я обрушу огненный дождь и уничтожу мир смертных. Тогда отцу не за что будет цепляться! — прорычал грозный демон, не скрывающий рога и клыки.

— Аввадон крушить! Р-р-ры-ы-ы! — передразнил здоровяк, с огненно-рыжей косой и такой же бородой, облачённый в кожаные доспехи и с секирой за поясом.

По залу прокатился смешок, а Аввадон фыркнул.

— Спасибо за твоё рвение, Авви, но Война прав. Смертные нам самим нужны, иначе, где брать материал для пополнения легионов?

— Критикуешь — предлагай! — с вызовом сказал демон разрушения.

— Легко! — осклабился Война. — Я могу отправить своих ищек на расследование в помощь ангелам... или вместо них.

— А мне нравится! — воодушевился Люцифер. — Так, молодой, передай отцу, что расследование мы берём на себя, чтоб его прихвостни не смели подтасовать результат! Война, отправляй своих лучших следопытов, пусть разберутся в чём дело.

— Плохая идея... — тихо проговорил Иезекииль. Бафомет с ужасом и злостью зыркнул на ангела, но буря была неминуема. — Я лишь хочу сказать, что отправлять легионеров Войны в мир смертных не лучшая затея...

— Ты смеешь указывать мне, что делать?! — зашипел Люцифер.

Падший медленно встал с кресла, яростно взревел и в мгновение ока из красивого мужчины превратился в жуткого демона. Взвившиеся волосы скрутились в могучие рога, как те, что висели над тронном. Руки и ноги стали когтистыми лапами. Из-за плеч выросли огромные драконьи крылья. Лицо исказилось звериными чертами. И только глаза продолжали гореть ледяным огнём.

Ещё секунда, один молниеносный рывок и повелитель Ада схватил ангела за грудки и поднял над полом: «Ты, пернатое недоразумение, мусор, который отправили сюда, потому что не жалко, говоришь мне какая идея хорошая, а какая плохая?! Ты оспариваешь идею моего генерала, а значит, критикуешь моё решение! Я тебя уничтожу!» Люцифер яростно встряхнул ангела, перехватил одной рукой его горло и приготовился оторвать голову, как к нему подскочил Бафомет.

— Постой, Люций! Пацан ничего не сказал против плана, он лишь заметил, что стоит выбрать других исполнителей и я с ним согласен. Прости Война, но, когда твои ребята последний раз были на задании в мире смертных, случилось восстание Ань Лушаня⁴.

⁴ Восстание Ань Лушаня — гражданская война в Китае с 755 по 763 год. Согласно официальным подсчётам, за время

— Знатная была заруба! — ностальгически пробасил всадник апокалипсиса.

— Да, весело, но выкосили, в том числе и наши проекты, — пробубнил Маммона.

— Ар-р-р! Чёрт с вами! — прорычал Люцифер и отшвырнул Иезекииля через всю комнату к двери. — Баф! Убери отсюда эту мерзость!

Бафомет подошёл к ангелу, помог ему подняться на ноги, вытолкал за дверь и вышел сам. «Марбо! Марбо!» — взывал демон. Камердинер появился будто из-под земли. «Выведи нашего гостя на выход, я скоро догоню» — приказал Баф и вернулся на заседание.

Люцифер уже успокоился и снова сидел на троне в привычном облике, а демоны шумно спорили о том, кто виноват и что делать.

— Ты что думаешь, братец? — обратился владыка к вновь пришедшему.

— Смотря о чём вы тут грызётесь.

— Если отбросить обвинения в прошлых ошибках, то всё о том же. Что делать с этими «участившимися случаями массовой пляски святого Витта».

— Ну, как я и сказал, я поддерживаю идею Войны отправить на расследование своих, но не его ребят.

— Хорошо, согласен. Но кого тогда? — Люцифер испытующе смотрел на Бафа.

— Как я понял, там замешана церковь, так что нужны те, кто смогут легко туда проникнуть.

— Инквизиторы? Решено! Астарот, поручаю расследование тебе. Выясни всё и предоставь полный отчёт. Искренне надеюсь, что это святоши напоили прихожан вином из мухоморов.

— А если, правда, один из наших? — настороженно спросил Астарот-обвинитель.

— Мы бы об этом знали. Но даже если так, курицы щипаные его не получают, — отрезал Лучезарный.

— Я подготовил ответ, — Бафомет подал Люциферу листок и перо.

— Так... — владыка забежал глазами по письму. — Беру на себя... в связи с ложными обвинениями... результат предоставляю... Лучезарный повелитель Преисподней, властитель Тьмы, отец всех демонов, спаситель неприкаянных и покровитель обречённых Люцифер.

Лучезарный повелитель Преисподней подписал послание и вернул Бафу. Тот свернул листок, запечатал его и удалился из малого тронного зала. Демон несколько раз повернул по коридору и оказался в холле, где его в одиночестве ожидал Иезекииль.

Глава 3. Отступник

Гонец стоял, всматриваясь в картину, на которой был запечатлён бой между Раем и Адом. Батальная сцена будто оживала, если долго на неё смотреть. Ангелы рубили демонов, демоны рвали ангелов, слышались лязг металла, призывные крики и предсмертные вопли...

Всё, к чему его готовили, это уничтожить отродий преисподней любой ценой. Ибо все они исчадия Ада, порочащие великий замысел отца. Все как один жаждут поработить человечество, а затем разорить Царствие Небесное. Но хуже всех Люцифер, ведь он восстал против своей семьи, похитил идеи и знания отца, извратил священный ритуал создания ангелов и породил всех этих демонов. Но и этого ему показалось мало. Он отрёкся от божественного происхождения, уничтожил наследие Господа в себе и тех мятежных ангелах, что примкнули к нему. Он опорочил всё, чего коснулся. Иезекиилю внушали это с момента его перерождения.

Отправляясь в Ад, он ожидал увидеть геенну огненную, наполненную свирепыми чудищами, готовыми его разорвать, но оказался просто в другом мире, по-своему прекрасном и разнообразном. А местные обитатели лишь отстаивали свои интересы и право на существование. В сердце ангела зародилось сомнение: в чём истинная причина этой вражды? Почему нас направляют на демонов? Чем так провинился Люцифер? Из задумчивости Иезекииля вывел спокойный голос Бафомета:

— Понравилась картина?

— И да, и нет. Написана она хорошо, реалистично. Даже слишком реалистично. Это и не нравится, — ангел скорбно посмотрел на демона. — Прости, Бафомет, я облажался, а ты из-за меня подставился.

— Ты?! Ха-ха! Ты держался лучше, чем твои предшественники, — Баф хлопнул ангела по плечу. — А за меня не переживай — я всегда был и буду голосом разума во время его вспышек ярости. Так что всё хорошо.

— Спасибо за помощь! Без тебя я бы пропал, — вдруг он опомнился: — А какой ответ мне передать отцу?

— Всё здесь! — демон протянул запечатанное послание небесному гонцу. — А сейчас нам пора. Харон скоро прибудет на Последнюю пристань.

Выйдя из замка, спутники быстро спустились по лестнице, внизу которой уже ожидал экипаж. При посадке в карету кучер ехидно заметил: «Ого! Он даже выжил!», но Бафомет лишь махнул рукой и велел ехать обратно на пляж.

Город, проплывающий за окном, казался Иезекиилю ещё красивее. Каменные дома разных размеров и стилей завораживали архитектурой. Диковинные растения и животные привлекали внимание. Дьяволицы в открытых нарядах радовали глаз. Вдруг ангел увидел высокую фигуру в длинном балахоне, похожую на ту, что забрала с собой Кристину, и тут же вспомнил про своё обещание Харону.

— Бафомет! Прости, с моей стороны это будет неслыханной наглостью, но не могли бы мы заехать на Главную площадь?

— Сувениров решил прикупить? — усмехнулся демон.

— Это для Харона, он просил взять ему новое одеяние.

— А-а-а... для дядюшки Ха. Тогда заедем! — Баф высунулся в окно и сказал возничему изменить маршрут.

Въезд на площадь был закрыт, попасть к лавкам можно только пешком, поэтому экипаж пришлось оставить. Встречные обитатели Ада с почтением кланялись князю и бросали пренебрежительные взгляды на ангела. «Накинь капюшон на голову, а то, не ровён час, в неё прилетит стрела», — сказал демон. Иезекииль, уже не раз убедившись, что Бафомет плохого не

посоветует, тут же подчинился. Хоть капюшон и мешал обзору, глаза ангела разбегались от пестрящих товарами прилавков и витрин.

— Достопочтенный князь, соизволь отведать моё вино! — кричал пузатый фавн, потрясая козлиной бородой.

— Лучше угости моего спутника! — ответил Баф, подводя Иезекииля к прилавку, со всех сторон заставленному бочками, бочонками, бутылками и бурдюками.

— Для такого особенного гостя у меня есть особенное угощение, — подмигнул винодел и протянул наполненный стакан ангелу.

— Вряд ли мне стоит... — засомневался райский посланник.

— Эй! Не обижай Жана. Он же тебя угощает. К тому же я слышал об одном парне, который превращал воду в вино, и кара небесная его не поразила. Так что и тебе от одного бокала ничего не будет, — демон лукаво улыбнулся и подтолкнул стакан ангелу.

— Это и есть вино?! — изумился Иезекииль, сделав один глоток, и тут же осушил стакан. — Оно восхитительно!

— А-ха-ха! — рассмеялся фавн. — То-то же! Это «Кровь девственницы» — моё фирменное, не то, что жидкое райское пойло!

— Название жуткое, а вкус великолепный. Спасибо, Жан! — ангел вернул стакан хозяину.

— Что вас привело в торговые ряды сегодня, если не секрет? — любопытствовал фавн.

— Сущая безделица! Нужно кое-что забрать для Харона, и наш гость отправится домой, — ответил Бафомет, не дав ангелу открыть рта.

— Тогда прихватите старику от меня подарок, — торговец вытянул из-под прилавка большой бурдюк и сунул его в руки Иезекиилю.

— Разумеется, передадим! — отозвался Баф, махнул Жану на прощание и увлѣк захмелевшего ангела в сторону магазинов.

Пройдя мимо нескольких рядов, спутники подошли к лавке «Весѣлый монах», на вывеске которого красовался пухлый мужик, бесстыдно задирающий рясу и демонстрирующий голый зад. Первым вошёл Иезекииль. Внутри все стены от пола до потолка были увешаны костюмами и отдельными предметами гардероба, а в середине зала располагалась композиция из манекенов, один из которых переодевал высокий, сутулый мужчина мрачного вида. Он обернулся на вошедшего, фыркнул и продолжил прикладывать рубашки разных цветов и фасонов к висящему на манекене сюртуку.

— Простите, уважаемый, это Вы старик Хью? — поинтересовался Иезекииль.

— Для тебя я мастер Грау, и тебе я ничего не продам. Убирайся! — рявкнул портной.

— Хьюго! Будь повежливее! Иезекииль наш гость, он прибыл по делу. Да и наряды твои ему не по рангу, — Бафомет впервые назвал ангела по имени, что не осталось незамеченным.

— Повелитель?! Прости, я не знал, что он с тобой, — сменил тон мастер Грау и начал кланяться и расшаркиваться. — Чем я могу быть полезен?

— Харон попросил меня зайти за новым одеянием для него. Поэтому я тебя и потревожил, — бесстрастно сказал ангел.

— А! Одеяние для нашего всеми любимого распорядителя душ! Конечно, конечно! У меня всё давно готово! — Хью метнулся к прилавку и достал свѣрток из тѣмной бумаги, перетянутый чѣрной лентой.

— Благодарю тебя, мастер Грау, — сказал Иезекииль, забрав свѣрток, и вышел из магазина, придержав дверь для Бафомета.

— Не обращай внимание на Хью, — говорил Баф по дороге к карете. — У него личные счѣты со святошами. Жену и дочь сожгли, как ведьм, после этого он присягнул Асмодею — продал душу за возможность отомстить. И отомстил. Хью в одночасье стал лучшим портным. В его нарядах ходил весь высший свет, но одевать графинь и герцогинь не было его целью.

Те духовники и не поняли, отчего их жёны, дети и любовницы начали чахнуть и помирать по очереди. Святоши так бы и не догадались, что все их модные наряды с секретным ингредиентом, если бы он не собрал всех на званый ужин и припомнил. Думаю, не нужно говорить, что ту трапезу пережил лишь старина Хью. Вот только за каждым успешным сановником стоит въедливая ангельская задница, не в обиду тебе, Иезекииль. Вот и у тех был надзиратель, который начал гоняться за нашим храбрым портняжкой. И догнал бы, но Хьюго повезло встретить настоящих ведьм — моих девчонок. Они помогли вызвать Асмодея, тот покарал ангела и забрал Хью в Ад. Точнее, он сам попросился, посчитав, что его миссия выполнена. Итак, месть осуществлена, но ненависть осталась.

— Очень печальная история. Мне всегда грустно, когда страдают невинные души.

— Тебе придётся привыкнуть, если хочешь вырасти большим и сильным ангелом. Ты знаешь, почему отец ополчился на ведьм и колдунов?

— Потому что они все дьяволопоклонники, продавшие души за колдовскую силу?

— Нет! Я не могу даровать силу, я могу лишь её увеличить, если есть природные данные. Меня интересовали люди с такими способностями ещё когда я был ангелом, но отец не позволял мне изучать их. И вот Люцифер пал, я последовал за ним, получил возможность заниматься тем, что нравится. Отец не мог смириться с тем, что его сыновья один за другим выходят из-под контроля, и в отместку объявил колдовство вне закона, приказал своим цепным псам уничтожать каждого, кто уличён в занятии магией. А у меня не осталось выбора — я стал покровителем ведьм и колдунов. Ведь из-за моего неповиновения они оказались под угрозой.

— Я должен думать, что ты искушаешь меня, но я не слышу лжи в твоих словах. От этого становится только хуже. Исходя из того, что я увидел и услышал за время моего путешествия, всё, чему меня учили — ложь. Но я её не замечал. Так может, и ты мне лжёшь, а я просто этого не слышу. А если ты прав, то мне самому дорога в отступники, ибо вера моя пошатнулась, — тем временем они уже подошли к экипажу.

— Я не пытаюсь обратить тебя в свою веру, Иезекииль. Я лишь даю информацию, которой ты вправе распоряжаться как угодно.

— Но зачем?! Зачем ты это рассказываешь, если не пытаешься сбить меня с пути? — внутренние терзания ангела уже рвались наружу.

— Затем, что я когда-то, как и ты, верил, что есть лишь один правильный путь. Его, — Бафомет поднял глаза к небу. — Но оказалось, что верного пути нет вообще. Есть только твой путь и лишь тебе его выбирать. А для того чтобы сделать выбор, нужно больше информации. Представь, перед тобой поставили две заколоченные бочки и говорят: «Забирай одну. В этой мочёные яблоки, а в этой дерьмо». Какую ты выберешь?

— С яблоками, конечно.

— Логично. Но станешь ли ты проверять содержимое? Может, бочки перепутали и подсунули тебе ту, что с дерьмом. Или яблоки давно сгнили и, по сути, это то же дерьмо. А может там вообще капуста или огурцы. Да и в другой бочке может быть что угодно. Ты согласишься на гнилые яблоки, а во второй окажется «Кровь девственницы» от Жана. Ты вправе выбрать то, что хочешь, ведь даже из бочки с дерьмом можно сделать удобрение для своего сада. Но как выбрать, если не знаешь между чем выбираешь? Ты уловил идею?

— Кажется, да. Но мыслей так много. У меня голова идёт кругом.

— Я знаю прекрасное средство, изгоняющее дурные мысли! — Бафомет заговорщически посмотрел на ангела, щёлкнул пальцами и в его руках появились два небольших серебряных кубка. — Наливай!

— Но это же для Харона!

— Ему для нас пары стаканов будет не жалко. Лей давай!

Иезекииль после недолгих колебаний откупорил бурдюк, наполнил кубки, принял из рук демона один из них и с жадностью отхлебнул. Но тут же осознал свою ошибку — это было

другое вино. Оно было крепче, гуще и будто горело внутри. Ангел выпучил слезящиеся глаза и открыл рот, видимо, пытаясь дать выход пламени. Бафомет зашёлся беззлобным смехом:

— Ну как? Прочистило голову?

— Ох! Это точно! — Иезекииль и сам засмеялся. — Что это за адское пойло?

— Но-но-но! — Баф театрально погрозил пальцем. — Это любимый напиток нашего паромщика и не только его. Называется «Кровь дракона». Не удивлюсь, если из неё и делается. Другого объяснения, почему после него хочется плевать огнём, я не вижу.

— Как же теперь допить? — ангел с сомнением посмотрел в полупустой кубок.

— Просто пей небольшими глотками и сначала поддержи немного во рту.

Когда карета подъехала к Последней пристани, ангел и демон пили уже по третьей порции. Выйдя наружу, оба помахали вознице, наблюдавшему за ними с интересом. Прихватили свёрток, початый бурдюк и, размахивая кубками, направились к воде, где их уже ожидал Харон.

Паромщик лежал на песке, оперевшись на локти и закинув ногу на ногу. Болтал своей босой костлявой конечностью, смотрел вдаль и всецело наслаждался минутами покоя. Спутники подошли к отдыхающему и уселись рядом с ним.

— А вот и мы! — провозгласил Бафомет. — Прости, но мы твоё вино подпили. Тебе Жан передал.

— Ну раз начали, так и мне наливай! — костлявый принял кубок и поднял его для тоста. — Тем более нам есть что отметить. За Иезекииля! Первого райского посланника, пережившего встречу с Люцифером!

— Ура-а-а! — заголосили все трое и сделали по глотку.

— Правда, без вашей помощи я бы не справился. Спасибо вам обоим, — Иезекииля настолько переполняло чувство благодарности, что он готов был ринуться их обнимать, хотя, возможно, дело было в вине.

— Долг платежом красен, — Харон многозначительно посмотрел на ангела. — Что это у тебя за свёрток?

— Ой! Точно! Мы же и за облачением твоим зайти успели. Держи, пожалуйста.

— Вот это хорошо! Вот это порадовал старика!

Костлявый резво вскочил на ноги, разорвал упаковочную бумагу и сжёг её прямо в воздухе. В руках у него осталась новенькая чёрная мантия. Он расправил её, держа за плечи, встряхнул, приложил к груди и вот уже стоял в новом одеянии. Харон осмотрел себя сверху вниз, проверил рукава, заглянул за спину и, видимо, остался доволен.

— Ну что, друзья! Пора и честь знать. Это я изымаю, — паромщик забрал бурдюк и закинул его в лодку. — Бывай, Баф! Надеюсь, скоро свидимся.

— Обязательно! Я тебе ещё вина принесу вместо выпитого, — демон подмигнул Костяному.

— Приятно было познакомиться, Бафомет. Ещё раз спасибо за всё! — ангел протянул руку демону.

— Буду рад новой встрече, но в более спокойной обстановке, — демон улыбнулся и пожал руку ангелу.

Сидя в лодке, Иезекииль наблюдал, как отдаляется берег с маленьким песчаным пляжем, на котором ещё виднелась фигура его нового неожиданного друга. Тоска накатила с удвоенной силой. Как вернуться к прежней жизни после того, как увидел, что тебе лгали? Бесспорно, можно забрать бочку с мочёными яблоками и говорить, что всегда только этого и хотел. А можно плюнуть на всё, пасть и наслаждаться «Кровью девственницы». Или взять бочку дерьма и превратить его в удобрение. Знать бы ещё, как это сделать. Харон, заметив печаль спутника, решил разрядить обстановку.

— Ну что, ангел Господень? Как тебе твоё путешествие? Веселее, чем корпеть над манускриптами?

— Ох! Всё моё обучение было бессмысленным. Реальность сильно отличается от писания. Но я ни капли не жалею, что вызвался на это задание!

— Так рассказывай! Мне же интересно. В ваших историях вся моя жизнь.

Ангел задумался ненадолго. А ведь и правда! Хранитель уже несколько тысяч лет на своём посту. У него нет ничего, кроме книги, лодки и чужих историй. И Иезекииль поведал ему свою. С самого начала, во всех подробностях и красках, что он чувствовал и о чём думал во время этого приключения. Харон оказался очень благодарным слушателем: он внимал каждое слово, комментировал и выражал мнение. В конце рассказа Иезекииль поделился и сомнениями, в надежде услышать мудрый совет. Но паромщик ответил: «Я согласен с Бафометом. Это твой путь, и лишь тебе его выбирать».

Подплывая к причалу, спутники увидели, как демоны у правой лестницы сидят и играют в карты, дожидаясь работы. Один заметил лодку и толкнул коллегу в бок. Оба проводили судно удивлённым взглядом, видимо, тоже не ожидая, что ангел вернётся. Харон помахал им, показывая, что возвращается на пост. Поднявшись по лестнице на вершину скалы, распорядитель душ занял своё место за аналоем, а Иезекииль встал напротив.

— Всё, дорогой, маршрут окончен, пора домой. Давай свой пропуск.

— Какой пропуск?

— Как какой пропуск? Тебе его в Чистилище дали. Это твой безболезненный путь домой.

— Я... сейчас! Кажется, был здесь! — у ангела всё похолодело внутри. Он помнил, что положил пропуск в плащ, но столько всякого произошло и столько было возможностей потерять такой маленький клочок бумаги. — Нашёл! Вот он!

— Вот и прекрасно! — Харон забрал листок и зажал его между пальцами. — Пора прощаться. Рад был встрече, ангел Господень Иезекииль. Заходи, если что.

— Ещё раз благодарю тебя за всё! До встречи!

Пропуск сгорел белым пламенем. Над площадкой вспыхнул луч света, как от прожектора, и утянул ангела домой.

* * *

Бафомет ещё некоторое время постоял на пляже, смотря на уплывающую лодку. Затем вернулся к своей карете, скомандовал кучеру везти его домой и, глядя в окно, задумался обо всём произошедшем сегодня.

Ему было очень интересно, что же случилось в мире смертных. Что послужило причиной и как с этим справятся ищейки Астарота. Не будут ли ангелы препятствовать расследованию. «Ну, конечно, будут! — ответил Баф сам себе. — Надо бы самому разузнать побольше. Можно спросить Герту, она наверняка что-то об этом слышала. А почему я у Иезекииля не спросил, что ему известно? Потому что мы друг другу не доверяем на подсознательном уровне. А парень вроде толковый, только мозги промытые, но всё равно смотрит шире, чем многие. Взять бы его на поруки... Ну да! А то у тебя забот мало! В доме полсотни ведьм. В Аду демографический кризис, из которого как-то нужно выбираться. В замке брат, грезящий порождением наследника и мстью отцу. И посреди всего этого бардака один несчастный старина Баф, который хочет лишь вина красного, да бабу рыжую. Кстати, о бабах! Надо шабаш провести, а то давно не было. И не забыть спросить у Герты про пляску святого Витта».